

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

А.А. ПИСКОППЕЛЬ*

*МГУ им. М.В. Ломоносова,
НИИ культурного и природного наследия РАН, Москва*

Обсуждается вопрос, что собой представляет конфликтология в ее современном состоянии и с точки зрения тенденций эволюции и программ развития. Анализируются требования к ней как к «комплексной» научной дисциплине и проблемы синтеза знаний разных конфликтологических дисциплин и практик. Характеризуются основные методологические принципы современной конфликтологической парадигмы и их иерархия. Различаются первичный и вторичный, управляемый конфликт, психотехника и социотехника конфликтопрактик. Оцениваются социальные функции конфликта и дефицитность конфликтной ситуации с регулятивной, организационно-деятельностной точки зрения.

Ключевые слова: дисциплины монопредметные и комплексные, конфликт, конфликтологическая парадигма, конфликтная ситуация, социальные функции конфликта, конфликты конструктивные и деструктивные, переговоры, психотехника, социотехника.

Современная конфликтология – одна из наиболее быстро прогрессирующих отраслей гуманитарного знания и востребованных обществом социально-психологических практик. Она дифференцируется по направлениям и областям, неуклонно умножаются ряды конфликтологов, появляются все новые международные профессиональные объединения и организации, выходят специализированные журналы, ежегодно множится количество учебных курсов и учебников. То, что рост налицо, не вызывает сомнений, но в какой мере этот рост является развитием, то есть интенсивным, а не экстенсивным ростом профессионального сообщества и освоением новых подведомственных территорий?

Что собой представляет современная конфликтология? Это фактически не один, а два вопроса: один – о том, что собой представляет конфликтология «здесь и теперь», другой – о тенденциях ее эволюции и программах развития.

Ответы на первый вопрос неоднозначны – «отрасль науки (социологии)» (Дудченко В.С., 1996) [11]; самостоятельная (молодая) «наука» или «научная дисциплина» (Анцупов А.Я., 2000 [1]; Буртовая Е.В., 2002 [4]; Политическая конфликтология, 2002 [26]); «комплексная научная дисциплина» (Чумиков А.Н., 1997 [32], Зеркин Д.П., 1998 [14]); «совокупность исследований» (Степанов Е.И., 1998) [29]; «область, объединяющая разнообразные теоретические и практические подходы» (Тришина Н.В., 2008) [7].

«Совокупность» и «область», на наш взгляд, более адекватно характеризуют ее современный статус, нежели рекомендации в качестве мононаучной или даже комплексной научной дисциплины. Иными словами, это скорее лишь достаточно широкое общенаучное «движение» (на-

© Пископпель А.А., 2010

* Для корреспонденции:

Пископпель Анатолий Альфредович
кандидат психологических,
доктор философских наук,
профессор философского факультета МГУ,
ведущий научный сотрудник НИИ культурного
и природного наследия РАН. Москва.

подобие информационного, системного, экологического и т.д.) (Пископелль А.А., 2002) [24]. Другое дело, программные установки, ориентирующие развитие этой «области» в сторону более или менее определенного логико-эпистемологического идеала. И они в большинстве своем явно тяготеют к развитию конфликтологии в качестве комплексной научной дисциплины. Правда, существует и скептическая позиция относительно возможности осуществления подобного идеала на практике: «... Странным кажется надеяться на некую универсальную науку под именем «конфликтология» и ожидать эффективного переноса практического опыта из одной культуры в другую» (Бородкин Ф.М., 1999, с. 52) [3].

Только в свете подобного идеала могут оказаться справедливыми соответствующие оценки хода и результатов ее развития (например, Н.В. Гришиной, 2008) о том, что «не удалась попытка построить единую концептуальную схему описания всех видов конфликтов, создать общую теорию конфликта, построить единую универсальную типологию конфликтов» [7, с. 47]. Более того, Н.В. Гришина вынуждена констатировать, что за прошедшие два десятилетия не произошло никаких значимых изменений, «прорывов» в отечественных разработках проблематики конфликта ни в теоретическом, ни в практическом плане и первоначальный энтузиазм неопитов явно уменьшился.

Отмечая непреодоленные за эти годы методологические трудности и отсутствие оригинальных теоретических подходов, она связывает сложившееся состояние отечественной конфликтологии с тем, что, сосредоточившись (что было вполне оправдано для первых ее шагов) на освоении зарубежного опыта, она не смогла предложить оригинального понимания конфликтологических теории и практики применительно к современной стадии культурно-исторического развития российского общества.

В результате «разочарование, вызванное недостаточной эффективностью усилий специалистов, приводит к тому, что в столь очевидно перспективной области, как психология конфликта, нет существенного теоретического развития, а подготовка в практической области в основном сводится к тренинговым процедурам» [7, с. 13].

Если всерьез относиться к подобному экспертному заключению, а его автор отнюдь не одинок в такой оценке сложившейся ситуации в отечественной, да и не только в отечественной конфликтологии, то самое время «остановиться, оглянуться». Существует точка зрения, связывающая трудности научного анализа конфликтов с тем, что «в отечественной психологии наблюдается этап методологического кризиса» (Леонов Н.И., 2000) [19].

Поэтому целесообразно проверить на прочность те базовые методологические предпосылки, которые направляли и определяли развитие конфликтологических теории и практики и стали само собой разумеющимися для подавляющего большинства конфликтологических работ.

Конфликт как понятие и область явлений

Если конфликтологическая практика не очень озабочена содержанием понятия «конфликт», то в любой работе, так или иначе претендующей на теоретическую значимость, этому содержанию всегда уделяется специальное внимание. Это внимание тесно связано с тем обстоятельством, что практически каждую из них сопровождает мысль об отсутствии общепризнанного «определения» конфликта, понимания его сущности, невозможности охватить единым понятием всю совокупность причисляемых к конфликтам явлений и т.д. В итоге почти каждый автор, не удовлетворяясь существующими «определениями», переводит на свой язык, корректирует и уточняет «определения» других авторов, увеличивая

существующее разнообразие интерпретаций прочтения этого термина-понятия.

Объясняют подобную разногласию, обычно указывая, с одной стороны, на повсеместное употребление этого термина-понятия в обыденной жизни и на невозможность отделить это обыденное употребление от «научного», с другой, на разнообразие, сложность, неполноту и противоречивость самих подобных «явлений», с третьей, на сложноорганизованный характер человеческого поведения и самой социальной действительности, с четвертой, на многозначность социально-гуманитарного знания как такового и соответственно «изучение» конфликтных явлений разными гуманитарными дисциплинами с разных точек зрения и т.д.

Нельзя сказать, что все эти суждения неосновательны. «По факту» они вполне адекватно выражают широко распространенное осознание наличной ситуации, но из «сущего», как известно, нельзя вывести «должного». Важна не только и не столько констатация существующего положения дел, сколько те выводы, которые из него можно сделать. А выводы обычно делаются разные. Самый распространенный – возложение надежд сначала на преодоление подобных трудностей за счет дальнейшего накопления и обобщения «знаний» о конфликтах и об «анатомии» человека и его мира и лишь затем – на теоретико-методологические исследования.

Не разделяя, но и не отрицая правомерности подобных надежд, следует все же озаботиться вопросом: а не коренится ли большинство трудностей работы с понятием конфликта в самой установочной сфере познающего сознания, явно или неявно определяющей сам характер ведущей концептуализации? Или, другими словами, не носят ли они, прежде всего и преимущественно, методологический характер?

Оформление конфликтологии, при всем разнообразии трактовке ее положения и статуса (то есть обособление в качестве предметно-тематической области исследо-

ваний и разработок, становление специализированного концептуального аппарата, образование научно-дисциплинарного сообщества и т.д.), обычно относят к середине XX века. При этом сам термин конфликт с его денотатом, практика его употребления в различных сферах духовной и общественной жизни сложились задолго до появления на свет конфликтологии. Одни авторы исторических экскурсов в историю конфликтологических идей и практики обнаруживают рекомендации разрешения конфликтных ситуаций в законах Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) и в деяниях легендарного царя Соломона (965–928 гг. до н.э.), другие – в учении Лао-Цзы (579–499 до н. э.), третьи – Гераклита Эфесского (535–475 до н. э.) и т.д.

К тому времени он (вернее, семантическое гнездо синонимических терминов) уже прочно обосновался в социально-философских учениях, в социологии и психологии, и через них вошел в концептуальный аппарат практически всех гуманитарных дисциплин, обретая на этом пути новые значения и смыслы. Согласно науковедческим изысканиям, к 90-м гг. XX века как самостоятельное явление конфликт «изучался» уже в 11 научных дисциплинах (правоведение, искусствоведение, исторические науки, педагогика, политические науки, психология, социобиология, социология, философия, математика, военные науки) (Анцупов А.Я., 2000) [1].

Весь этот понятийно-терминологический багаж достался в наследство конфликтологии, и она пытается с переменным успехом им рационально распорядиться.

Каждая из соответствующих дисциплин вполне могла бы ограничиться своим понятием конфликта и соответственно пониманием явлений, относимых к конфликтам, да на практике так и происходит. Подобная ситуация воспроизводится в рамках самих дисциплин. Так, содержания понятий конфликта в социальной психологии и в психоанализе имеют между собой мало общего.

Но конфликтология не может этим ограничиться, поскольку тогда ей не останется места под солнцем наряду с социологией и психологией конфликта, политической и педагогической конфликтологией, этноконфликтологией и т.д. Ее существование и развитие напрямую зависит от возможности разработки общих (всеобщих) понятия, проблематики, концептуального аппарата, теории и т.д. конфликта. Такова судьба всех «общих» дисциплин, являющихся в логическом (теоретико-методологическом) плане основанием «частных» наук, а исторически возникающих после них. Историко-методологический анализ этой ситуации использован Л.С. Выготским для обоснования его программы «общей» психологии (Выготский Л.С., 1993) [6].

Проблематичность существования и статуса конфликтологии на правах «общей» дисциплины (науки) редко осознается. Обычно ее генезис описывается «бесконфликтно» и незатейливо, естественным образом. История человеческой цивилизации – это череда бесконечных конфликтов, возникавших между людьми, социальными группами, классами, народами (нациями), государствами и т.д. Люди так или иначе эти конфликты разрешали частным кустарным образом на основе опыта и житейской мудрости. С появлением современной науки те или иные виды конфликтов стали описываться и анализироваться «научно» (социальная философия, история, социология, психология и т.д.). Наконец, возникает потребность в систематическом анализе всех значимых для общества конфликтных отношений, и тут появляется на свет конфликтология для удовлетворения этой насущной потребности.

Проблематичность этого описания проявляется лишь косвенно в характеристике ее как комплексной или междисциплинарной области «науки», предполагающей ассимиляцию и синтез конфликтологических знаний «частных» предметных дисциплин. А это возможно только

на основе теоретико-методологических средств, способных обеспечить «объединение существующих пока практически изолированно друг от друга 11 отраслей конфликтологии» (Анцупов А.Я., 2000)[1].

Включение в свой состав «частных наук» на правах своих «отраслей» или предметных «областей» предполагает формирование эмпирического базиса (области явлений) конфликтологии, включающего в себя их эмпирические базисы. Но между эмпирическими базисами разных конфликтологических областей и практик, то есть множествами явлений, маркируемых ими в качестве «конфликтных», существуют качественные различия. Ведь не в последнюю очередь именно по этой причине разные конфликтологические дисциплины руководствуются и разными понятиями конфликта. В результате конфликтология оказывается перед проблемой разработки таких понятия и теоретической схемы конфликта, которые были бы способны охватить явления, трактуемые на одном конце спектра как «зооконфликты», а на другом – как «конфликты цивилизаций».

Успехи современной конфликтологии в этом направлении более чем скромны и удовлетворяют они немногих. С теоретико-методологической точки зрения эта проблема на современном этапе решается слабо формально и *ad hoc*.

На уровне эмпирического базиса – за счет разного рода типологий и классификаций, трактующих эмпирический базис «частных» конфликтологических дисциплин как «вид» или «аспект» конфликта «вообще» и объясняющих явную несопоставимость подобных «видов» и «аспектов» их разноуровневым характером.

На понятийном уровне – за счет поиска такой «общей» дефиниции конфликта, которая формально логически могла бы выполнять роль родовой по отношению к «частно-предметным».

Классификации и типологии – процедуры лишь частично нормируемые, имеют дело с такой неопределенной «материей»,

как «явления», и предъявлять однозначные претензии к подобному способу их «систематизации» и «ассимиляции» в общий котел довольно затруднительно. К тому же свой специфический вклад конфликтология связывает с полнотой и целостностью описания конфликтных явлений, как если бы эти характеристики описаний являлись безотносительными.

Более очевидны результаты логико-методологической проработки конфликтологических понятий. В основном они сводятся к попыткам согласовать частные дефиниции за счет формально логического абстрагирования и такого обеднения их содержания (обычно эта процедура именуется «обобщением»), чтобы эта общая дефиниция сугубо лексико-грамматически «налезала» на все частные. К сожалению, мало что можно добавить к характеристике этих попыток к тому суждению, которое было сформулировано почти тридцать лет назад Р. Макком и Р. Снайдером: «термин «конфликт» представляет собой «резиноподобное» понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях» (Нечипоренко Л.А., 1982, с. 38–39) [21].

Но это путь, подменяющий понятийную работу терминологической. Предельный смысл такого «обобщения» – искомая дефиниция, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, «звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то» (Василук Ф.Е., 1984, с. 42) [5]. Отсюда и весьма критическая современная оценка этих многолетних усилий: «Ни одно из определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений лишь частью конфликтной феноменологии, либо из-за многозначности используемых формулировок» [7, с. 22].

Малая продуктивность подобных усилий не является неожиданной, потому что фактически это попытки объединить не «отрасли» конфликтологии, а области упо-

ребления термина конфликт. Но это возможно только в предельных категориальных локусах: или на уровне философской рефлексии, при сведении понятия конфликта к категории противоречия, или на уровне обыденного сознания. См., например: «Конфликт – это субъективная форма существования и развития объективных противоречий общественного процесса ... Другими словами, конфликт, суть субъективный «слепок» с объективных противоречий» (Иордан М. 1992, с. 111) [15].

Конечно, категория *противоречия* (*противо-положности*) является базальной для понятия конфликта, но теория конфликта не может быть «теорией противоречий», поскольку, как справедливо замечено А.Г. Здравомысловым (1993), «отождествление противоречий и конфликтов уводит исследователя от постановки задач социологического (не только социологического – А.П.) анализа реальных конфликтов, растворяет частное в общих понятиях» [13, с. 13].

Проблемы становления конфликтологии как комплексной дисциплины отнюдь не заключаются лишь в поиске обобщенной дефиниции конфликта. Понятие конфликта здесь лишь средство для решения проблем синтеза разнопредметных «знаний о конфликтах», полученных (и получаемых) в «частных» конфликтологических дисциплинах, без которого «комплексность» конфликтологии окажется лишь формально-организационной.

Конфликтология – не первая гуманитарная дисциплина, столкнувшаяся с методологическими проблемами становления в качестве «комплексной» дисциплины. Постановка и решение (решение) теоретико-методологических проблем, связанных с оформлением и становлением «комплексных» дисциплин в гуманитарной сфере, уже имеют свою традицию. Они остаются камнем преткновения при оформлении культурологии как самостоятельной дисциплины (Розин В.М., 2003) [28]. Сравнительно недавно они интенсивно об-

суждались в отечественной эргономике (Проблемы методологии в эргономике, 1979) [27]. Их обсуждал, как отмечалось выше, Л.С. Выготский в своей программе «общей» психологии. В начале XX века они были камнем преткновения для психотехники и педологии (Пископелль А.А., 2006) [25].

Как общеметодологическая проблема метапредметного синтеза знаний она ставилась и разрабатывалась в системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии). В рамках ее системно-структурных средств и представлений решение проблемы синтеза предметно-теоретических знаний связывалось с особой процедурой построения синтезирующей структурной модели объекта-конфигуратора (Щедровицкий Г.П., 1964) [36].

Это обобщенное представление (системно-структурная модель) объекта, снимающее в себе ряд более частных представлений, которые получены независимо друг от друга и не могут быть ни сведены друг к другу, ни выведены друг из друга. Такая модель-конфигуратор – результат специальной процедуры: конфигурирования, при которой исходные частные представления объекта рассматриваются как его проекции на разные логико-онтологические плоскости. Эмпирическим материалом, на основе которого разрабатывались вопросы методологического анализа и синтеза разнотематических знаний, была, прежде всего, история естествознания, история успешных решений тех задач, которые требовали оперирования не с одним, а с двумя или многими представлениями объекта.

Конфигурирование – это сложная, неоднозначная и креативная процедура, но тем не менее у нее есть вполне определенная «логика». Отметим лишь некоторые ее общезначимые моменты.

Общеметодологический анализ условий продуктивного осуществления процедуры конфигурирования (синтеза разнотематических знаний) показал, что ее исходным пунктом должны быть не предмет-

ные знания как таковые, а структура предполагаемого объекта-конфигуратора. И, наоборот, в общем случае эти предметные знания должны быть перестроены в соответствии со структурой предполагаемого объекта. Из этого, в свою очередь, следует, что структура объекта должна быть «в первом приближении» воспроизведена еще до того, как начинается работа по перестройке и синтезу имеющихся знаний.

Для создания такой предварительной структуры используется принцип «двойного знания», в соответствии с которым одно из частно-предметных знаний виртуально выполняет онтологическую функцию – играет роль не знания, а самого объекта. В зависимости от того, какое частно-предметное знание будет наделено онтологической функцией, будут построены и разные модели-конфигураторы и осуществлен разный синтез предметных знаний.

Не все знания, относящиеся, по интенции, к одной эмпирической области явлений, могут быть объединены. Часть из них окажется по отношению к предварительной модели-конфигуратора знаниями о другом (других) объектах. Это разделение возникает в процессе вторичного соотношения исходных знаний с полученной на их основе моделью, цель которой сделать их теоретически однородными и объединяемыми. Причем не только знания «подгоняются» к объекту (модель-конфигуратор), но и объект к знаниям. Эта рекуррентная процедура продолжается до тех пор, пока не удастся свести совокупность разрозненных знаний к единому сложному знанию, выводимому из структуры положенного (*пред-*положенного) объекта. Исторические примеры подобного рода рекуррентных процедур в истории науки проанализированы И. Лакатосом (1995) [18].

Результат подобного синтеза описывается как своеобразное «сплющивание» всех представлений и знаний об объекте, расположенных на разных уровнях и проекциях и потому непосредственно не сводимых одно к другому. Такое «сплющива-

ние», «плоскостная» организация знаний является необходимым условием построения сложного и единого теоретического знания об объекте.

Продуктивной подобная процедура синтеза знаний оказывается, если: 1) удастся собрать и объединить объективное содержание, зафиксированное в уже полученных ранее знаниях; 2) его структура введена как «основание» и «источник» всех значимых познавательных и практических проявлений объекта; 3) на основе теоретической модели-конфигуратора и выраженного в нем предмета знания выводятся и тем самым обосновываются новые теоретически сложные знания об объекте (Щедровицкий Г.П., 1995). В тех случаях, когда предметно-теоретический синтез знаний оказывается невозможным или непродуктивным, такой синтез может носить не предметный, а оргдеятельностный характер. Наиболее известный пример такого оргдеятельностного синтеза в сфере естественнонаучного знания – принцип дополнительности Н. Бора.

Нетрудно заметить, что предпринимаемые попытки решения проблем формирования комплексных конфликтологических знаний не на словах, а на деле, в той или иной степени вынуждены следовать такой «логике». Осознанное же использование ее в качестве средств рефлексии способно, на наш взгляд, сделать ее более теоретически значимой и продуктивной.

Есть ли у конфликта функции?

Становление конфликтологии связывают с изменением традиционного взгляда на конфликт (с изменением содержания понятия «конфликт») под влиянием социологических исследований Л. Козера (*The Functions of Social Conflict*, 1956) и Р. Дарендорфа (*Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft*, 1957). Если до этих работ понятие конфликта использовалось в основном в качестве оперативного средства и объяснительной

схемы при разработке других социально-психологических предметно-тематических областей, то после них оно приобрело имманентное онтологическое и предметно-теоретическое содержание. Это содержание стало почвой «для утверждения основных принципов современной конфликтологии – признания конфликтов в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, а также утверждение принципиальной возможности управления конфликтами» [7, с. 42].

Полагания «закономерности», «естественности», «конструктивности», «управляемости» конфликтных явлений в социальных отношениях лежат в основании современной «конфликтологической парадигмы» – явной или неявной предпосылки большинства конфликтологических исследований. Обычно в нее включают принципы (постулаты): «Конфликт – норма отношений между людьми, своего рода «клеточка» социальной жизни ... ; постоянство присутствия конфликта в социальной жизни и наличие возможности позитивного воздействия на него ...; отказ от идеи подавления конфликта...; идея его регулирования ... контроля над конфликтом...» (Никовская Л.И., 2006) [22]

Как методические принципы, они себя явно оправдали, обеспечивая непрерывный рост конфликтологической практики. Но являются ли они теоретико-методологически обоснованными для оправдания существования конфликтологии и если да, то в каком качестве?

Эти принципы отнюдь не равнозначны и не однородны. Первые два (закономерности и естественности) выражают скорее натуралистический взгляд на социокультурные явления, а вторые (конструктивности и управляемости) – деятельностный (конструктивно-технический). Натуралистический подход рассматривает человеческую деятельность как артефакт и,

создавая идеализованные «объекты» теоретического знания, элиминирует ее для обнаружения «объективной» закономерности явлений. Деятельностный подход включает в себя натуралистические взгляд и представления как средства объективации, присущие одной из деятельных позиций – естественнонаучной познавательной позиции. История естествознания, изучения объектов «природы» доказала ее продуктивность в отношении «натуральных» объектов познания и деятельности (Щедровицкий Г.П., 1991) [35]. По отношению же к социокультурным объектам эта позиция оказывается частичной и ограниченной, поскольку для социокультурных объектов характерна не естественность, а лишь оестественность. В первом случае всеобщность и необходимость выступают в виде вечного «закона природы», во втором – «исторического правила» (например, Хьюбнер К., 1994) [31]. То есть законом является «правило, благодаря которому сам по себе случайный поступок делается необходимым» (Кант И., 2000, с. 29) [16].

Таким образом, в зависимости от устанавливаемого приоритета этих принципов в самой конфликтологической парадигме конфликтология приобретет разный облик и разную направленность. И существование разных направлений явно обнаруживается в современной конфликтологии.

Если, исходя из противопоставления двух подходов к конфликту, выбрать в качестве основного социокультурный, то организационно-деятельностные принципы конструктивности и управляемости конфликтологической парадигмы должны рассматриваться в качестве базовых и ведущих, а принципы, утверждающие закономерность и естественность соответствующих явлений, – на правах вторичных и вспомогательных.

Закономерность конфликтных явлений как объектов изучения естественнонаучного типа была проблематичной уже для самих Л. Козера (2000) [17] и Р. Дарендорфа (1994) [9]. Все рассуждения

Л. Козера о динамике внутригрупповых и межгрупповых конфликтов имели условно-каузальный, ситуативный характер, фиксируя не сущее, а лишь возможное, – «могут», «как правило», «станет ли», «реже», «имеют тенденцию», «обычно», «вряд ли возможен» и т.д. – в зависимости от широкого и весьма неопределенного круга условий (сплоченности группы, социальной структуры, отсутствию противоречий, терпимости и др.). При этом содержание понятия конфликт у Л. Козера фактически включало в себя все виды противоборства, противодействия субъектов в социальном взаимодействии.

Как описания эмпирических явлений, случающихся в социальной жизни, они вполне адекватны. Но все эти характеристики способны описывать лишь функциональные зависимости «переменных» статистического толка и за ними не просматривается какая-либо теоретически значимая (то есть претендующая на необходимость и всеобщность) модель конфликта.

Соответственно на уровне всеобщности по поводу социальной «функции» конфликта его утверждения имеют модальность возможности. Они могут и созидать отношения (спланировать, интегрировать, канализировать напряжение и т.д., и с таким же успехом их разрушать (разобщать, дезинтегрировать, усиливать напряжение и т.д.). Другими словами, никакой определенной социальной функции у них самих по себе по сути дела не оказывается, за исключением функции стимулирования социальных изменений.

Р. Дарендорф исходил из представления, что процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур применим ко всем их различным формам, а вот общее объяснение «структурной подоплеку» социальных конфликтов невозможно. Для Дарендорфа конфликт – это любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные («латентные») или субъективные («явные») противоположности.

Хотя тем самым фактически утверждалась невозможность общей теории конфликта, он тем не менее формулировал требования к такой теории, поскольку создание ее в качестве теории общественных изменений могло бы оправдать в его глазах претензии противопоставить конфликтную модель общества структурно-функциональному подходу с его теорией социальной интеграции. Он говорил: «Последней задачей социальной теории является объяснение общественных изменений. Теория интеграции дает нам возможность определить исходный момент процесса. Обнаружить местоположение сил, которые управляют процессом и общественными изменениями, и есть задача теории конфликта. Она должна разработать такую модель, которая сделает структурное начало социального конфликта понятным» (Дарендорф Р., 1995) [8].

Вряд ли и сейчас современные конфликтологи могут что-нибудь добавить по существу вопроса о закономерностях конфликта к тому резюме, которое принадлежит М. Дойчу (1997): «Ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями. Это означает, что судьба участников конфликта не всегда определяется внешними условиями. Возможность развития конфликта по конструктивному или деструктивному пути, таким образом, подвержена влиянию даже при наименее благоприятных условиях. Точно так же даже при наиболее благоприятных условиях психологический фактор может повести конфликт по деструктивному пути» [10, с. 212].

Под естественностью конфликтов обычно понимается обычность и неизбежность их возникновения в общественной (или душевной) жизни. По словам того же Р. Дарендорфа, там, «где существует общество, существуют конфликты». Но из этой очевидной констатации еще ровно ничего не следует по поводу социально значимого отношения к таким естественно, то есть

спонтанно возникающим конфликтам, а только отношение, придающее тем или иным явлениям значение, сообщает им качество социальности.

Ведь старение, страдание, болезнь и смерть, тоже обычные и неизбежные спутники человеческой жизни, так же, как преступления, наркомания и алкоголизм, ложь и предательство. Но в любом обществе они рассматриваются как пусть и неизбежное, но «зло», которые нельзя раз и навсегда искоренить, но с которыми надо бороться, и только эта борьба способна сдержать его распространение и рост. Когда-то и конфликты входили в их число, но конфликтология поставила этот взгляд под сомнение и ставит себе в заслугу изменение отношения к конфликтам. Она всячески критикует конфликтобоязнь, их избегание во что бы то ни стало, отрицает желательность «подавления» конфликтов и отстаивает идею овладения и управления ими.

Существует вполне определенная граница между обычным и нормальным в человеческой жизни, и эта граница далеко не всегда осознается, когда утверждается, что конфликты «нормальное явление в нашей жизни» (Мелибрда Е., 1986) [20]. Конечно, смысл подобных утверждений зависит от содержания понятия конфликт. Если его трактуют так расширительно, что «демократия это конфликты» (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 1999) [2], что «конфликт, таким образом, есть общее понятие для демократии и рынка», то оказывается «выявление и развитие конфликта в целом – полезное и нужное дело» (Здравомыслов А.Г., 1995) [12, с. 4].

Весьма трудно совместить взгляд на конфликты как на «в целом – полезное и нужное дело» со свидетельством, что именно «они являются основной причиной гибели людей. В завершающемся столетии, по самой приближенной оценке, конфликты (войны, терроризм, убийства, самоубийства) унесли на планете свыше 300 млн. человеческих жизней» (Анцупов А.Я., 2000) [1].

Выход из этой ситуации был найден за счет различения конструктивных и деструктивных конфликтов. К конструктивным были отнесены все те «конфликты», которые приводят к позитивным изменениям социальных отношений и систем, к их модернизации и развитию, а к деструктивным, естественно, – приводящие к ослаблению, стагнации и разрушению. Таким образом, основанием для подобного различения является модальная оценка последствий конфликтного взаимодействия.

Конструктивные и деструктивные конфликты

Проблема однако в том, что это условное различение, так как конфликты «сами по себе» оказываются ни конструктивными, ни деструктивными. Поскольку «один и тот же конфликт может быть деструктивным в одном отношении и конструктивным в другом, играть негативную роль на одном этапе развития, в одних конкретных обстоятельствах и позитивную – на другом этапе, в другой конкретной ситуации» (Петровская Л.А., 1977) [23]. С такой точки зрения характеристики их конструктивности и деструктивности оказываются принадлежностью не конфликтов как таковых, а их «мест» в объемлющей системе.

Больше того, если внимательно присмотреться к подчеркиваемой связи конструктивности и управляемости в так называемой конфликтологической парадигме, то нетрудно заметить, что реальным держателем конструктивности в этой парадигме оказывается не взаимодействие (практическое взаимодействие), а как раз управление. На этот счет имеется мнение: «Фундаментальная идея современного подхода к управлению конфликтами в разных формулировках сводится к тому, что конфликт может быть управляем, причем управляем таким образом, что его исход будет иметь конструктивный характер (Constructive Conflict. Дж. Бертон. Management, 1994) [7, с. 332].

Именно управление, то есть регуляция взаимодействия как особая предметно-продуктивная деятельность, «надстраиваемая» над практическим взаимодействием, наделяется здесь способностью его преобразовывать, вносить конструктивное начало в конфликт, объективируя это начало в нем, и тем самым, придавая конфликтному взаимодействию конструктивную форму. Однако «управление» само по себе также не тождественно конструктивности и «управляемость» конфликта отнюдь не гарантирует его конструктивности. Управление может с таким же успехом приводить не к разрешению, а к разжиганию конфликта. Только такое управление, в котором конструктивность рефлексивно ассимилируемого взаимодействия является целе-ценностной установкой, может внести конструктивное начало и в конфликтное взаимодействие.

Таким образом, на вопрос «зачем» управление вводится в конфликтное взаимодействие, конфликтологи отвечают – затем, чтобы сделать конфликт конструктивным. То есть неявно исходят из предпосылки, что конфликт как явление только случайно может «случиться» в качестве конструктивного без «управления» им. При этом заметим, что переход с позиции поиска ответа на вопрос, почему те или иные явления происходят, на позицию поиска ответа, зачем они происходят – это переход с естественнонаучной (натуралистической) позиции на социокультурную (деятельностную).

Влияние конфликтов на общественную (и личную) жизнь, их социокультурный (и личностный) смысл (деструктивность-конструктивность) в подавляющем большинстве случаев напрямую связывают не с самими событиями такого взаимодействия, а с тем, как и во что они «разрешаются», то есть чем завершаются. «Разрешаемость» конфликтов есть, по сути дела, такая их атрибутивная характеристика, как «неопределенность». Формы социального взаимодействия, исход которых однозначен, за-

ранее определен, которые не требуют «разрешения», вряд ли имеет смысл относить к конфликтным явлениям. Такие отнесения проводятся чаще всего там, где за основание принимается не та или иная теоретическая модель (идея) конфликтного взаимодействия, а интуитивные оценки того, какие явления заслуживают квалификации в качестве конфликтов. Тот же Л. Козер относил к конфликтным любые формы социального взаимодействия, основанные на противодействии его субъектов. И выделяемый им спектр конкретных явлений оказался таким, что на одном полюсе расположились «полностью институционализированные», то есть регулируемые, а на другом «абсолютные» конфликты, «цель которых состоит не во взаимном урегулировании, а в тотальном истреблении противника». В результате конфликтом оказываются научная дискуссия, судебный процесс, экономическая конкуренция, конкурсная ситуация, игровая деятельность и т.д.

Само «разрешение» конфликтов обуславливают их регуляцией и если последовательно проводить регулятивную точку зрения на конфликтное взаимодействие, то и его деструктивность окажется в точно таком же отношении к управлению конфликтом, как и конструктивность. Конфликт окажется деструктивным, если управление приводит к дезорганизации взаимодействия, к его дерегуляции. Так как конфликт всегда связывается с противоречиями, то с регулятивной точки зрения вполне оправданным окажется представление, что деструктивные конфликты – результат противоречия регуляторов конфликта относительно целостного, рационального и целенаправленного взаимодействия.

Это дает основание для утверждения, что основная сущность конфликтного взаимодействия регулятивная и напрямую связана «не с предметным содержанием противодействия (то есть не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с формой его регуляции» (Пископпель А.А., 2002) [24]. Конечно в том случае,

когда признается сама возможность целенаправленного управления конфликтом, так как существует точка зрения, согласно которой, конфликты – заведомо слишком сложные, многообразные и ситуативные явления для управления, поскольку они либо вообще иррациональны по своей «природе», либо представляют собой неразрывное единство рационального и иррационального.

В рассуждениях конфликтологов такая регуляция исходно полагается (вводится) в схему конфликта внешним образом как «управление конфликтом». Но в равной мере она может рассматриваться и как «управление в конфликте». Прежде всего, из-за особенностей содержания самого различения внешнего и внутреннего, поскольку по отношению к человеческой деятельности их противопоставление не является субстантивным. «В каждый определенный момент деятельности в каждом определенном акте мы имеем некоторый объект – с одной стороны, и с другой – определенный набор средств. В плане действия средства принадлежат внутреннему для действия, а объект – чему-то внешнему. Но в любой момент мы можем переводить внутреннее во внешнее, развертывая систему объективности, и точно так же можем свертывать любые объектные структуры в средства, то есть начинать употреблять их как орудия и средства нашей деятельности. Таким образом, само противопоставление внешнего и внутреннего непрерывно скользит и меняется по ходу деятельности» (Щедровицкий Г.П., 2005, с. 75–76) [34].

Какой окажется теоретическая трактовка феномена управления конфликтом, зависит от того, в какой мере и в какой форме принимается во внимание внутренняя регуляция самого практического взаимодействия. Другими словами, от того, является ли конституциональным представление об объективно значимой регуляции (самоуправлении) как о внутренней определенности любого акта (деятельности), вне и помимо которой он оказывается за

пределами социально-психологической сферы как таковой. Такие социально-психологические модели строения действия выдвигают на первое место именно регулятивный его план, план самоуправления, и хотя, на первый взгляд, сами такие регуляторы могут иметь разное концептуальное выражение, – «диспозиционной системы» (Ядов В.Я.), «социальной схемы» (Мерлин В.С.), «социальной нормы» (Бобнева М.И.) и т.д., эти модели объединяет интенция на выделение и противопоставление функционально-разных уровней построения и функционирования действия. Именно подобная идея положена в основу оргдеятельностной модели социального конфликта (Пископпель А.А., 2002) [24].

Противопоставление практического конфликтного взаимодействия и управления этим взаимодействием обычно выступает как противопоставление этапов развития конфликта. При том во всех бытующих в конфликтологической литературе отсылках к амбивалентности конфликтов, описаниях их позитивной функции (типа – предотвращения «застоя» и «омертвления» жизни, стимулирования движения вперед, объективирования источника разногласий, консолидирования, преодоления противоречий, адаптации, самоутверждения и испытания себя и т.д.) вся эта позитивность ищется и полагается в будущей ситуации.

В текущей ситуации все «положительные» функции конфликта – изначально только возможности, превращение которых в действительность зависит от управления им. Этот этап конфликтного взаимодействия – первичный конфликт. Исходный смысл первичного конфликта по отношению к текущей ситуации во всех теоретических представлениях о конфликтах фактически всегда однозначно деструктивен, иначе никакого бы управления конфликтами не понадобилось бы, они разрешались бы сами собой.

Первичные конфликты могут стимулировать преодоление социальной рутины и

обнажать те или иные противоречия только в отношении эволюционных (естественных) процессов социальных изменений. Хотя и в этом случае сами по себе никакого реального преодоления противоречий они не содержат, их преодоление связано с «разрешением» конфликта, то есть с выходом из текущей ситуации первичного конфликта. Такой способ разрешения противоречий, проходящий через этап первичного конфликта, часто оказывается весьма неэкономным и опасным «средством» стимуляции социальных изменений кустарным способом «проб и ошибок», то есть непосредственно практически. Другие формы социальных изменений (развертывание, становление, развитие) опираются на иные способы преодоления противоречий.

Они опираются на процессы рефлексии (рефлексивного выхода) текущей ситуации, позволяющие эту текущую ситуацию диагностировать и прогнозировать. «Внешние» рефлексивные выходы в исходно непрерывных процессах деятельности и жизнедеятельности значимым образом выделяют те или иные их события/ситуации как таковые. То есть являются средствами артификации, овладения собственной деятельностью/жизнедеятельностью – маркируют те или иные события/ситуации и позволяют «переключать(ся)» с одних на другие. В рефлексивных процессах можно различать ретроспективную рефлексию, которая завершает и аккумулирует опыт предыдущего события/ситуации (в пределе всех предыдущих) и проспективную рефлексию, предопределяющую последующие события/ситуации (в пределе все последующие).

В частности, это означает, что если в рамках предконфликтного рефлексивного выхода ретроспективная рефлексия оценивает предыдущее событие/ситуацию как предконфликтные, то проспективная рефлексия в качестве «переключателя» или «дает добро» на дальнейшее развитие конфликта, либо позволяет «выйти» из предконфликтной ситуации непосред-

ственно в переговорное (диалогическое) пространство, миновать фазу «возникновения конфликтной ситуации», «обойти» первичный конфликт (непосредственно практическое противодействие) как таковой. Конечно, ретроспективные рефлексии участников конфликта в общем случае различны. Не говоря уже о том, что в конфликтную ситуацию они могут попадать из различных предшествующих событий/состояний. Именно этот тип рефлексии «ответственен» за организацию инициативных, сознательно планируемых конфликтов как средств достижения тех или иных целей мысле- и жизнедеятельности.

Коммуникативно-мыслительный план конфликта

Методическая рефлексия так или иначе различает в опыте переговоров две стороны, две практики и соответственно две техники их проведения – социотехнику и психотехнику переговорной стратегии, хотя форма осознания этих разных техник может быть различной.

Так, в Гарвардском «методе принципиальных переговоров» Роджера Фишера и Уильяма Юри это различие и противопоставление фактически является первым из четырех его основных пунктов и в качестве предписания самая первая рекомендация участникам переговоров гласит: сделайте разграничение между участниками переговоров и предметом переговоров. Примерно то же самое имеет в виду и У. Мастенбрук (1992), формулируя одно из своих предписаний для переговорщиков – «отделяйте человека от его поведения». Выполнение его обеспечивает атмосферу доверия, доброжелательности и надежности.

В основание этого метода ведения переговоров положено, как известно, представление, что цель переговоров состоит в удовлетворении подспудных интересов (потребностей) участников, а основное их содержание связано с разрешением объективной проблемы их согласования. Од-

нако, хотя «суть дела», объективное содержание проблемы и стало источником конфликта и привело к необходимости переговоров между его участниками, первой предпосылкой их успешности является отделение «проблемы людей» от «проблемы предмета переговоров». «Мы существа с сильными эмоциями, у которых часто радикально различное восприятие, и нам бывает трудно общаться. Как правило, эмоции связываются с объективными свойствами проблемы. Предпочтение той или иной позиции ухудшает дело, ибо люди идентифицируются со своими позициями. Поэтому, прежде чем начать работать над существом проблемы, необходимо отделить «проблему людей» и разбираться с ней отдельно. Если не прямо, то косвенно участники переговоров должны прийти к пониманию того, что им необходимо работать бок о бок и разбираться с проблемой, а не друг с другом» (Фишер Р. и Юри У., 1992, с. 28) [30].

Есть два основных отношения, две точки зрения на место социотехники и психотехники в возникновении и разрешении конфликтов вообще и переговоров, в частности. Одна точка зрения рассматривает «проблему людей» (эмоционально-волевого начала) как неизбежное, но неспецифическое условие любых конфликтов, а другая связывает с ней суть конфликтных явлений как таковых. Этим двум точкам зрения соответствуют две разных предметных ориентации психологии конфликта – в направлении психологии права или психологии влечений.

В переговорной практике отношение между разными техниками, их употребление могут быть переплетенными и зачастую неотделимыми друг от друга и разница между ними становится очевидной только там, где за основу берется лишь одна из них. В зависимости от развиваемого в том или ином направлении конфликтологической мысли содержания понятия конфликт, акцент в переговорном процессе делается или на объективной проблеме

(проблеме интересов и выражающих их идей), или на эмоционально-волевом начале участников (проблеме индивидуальности людей) – на умении манипулировать противником и подчинить своей воле, используя его слабости, прежде всего, психологические. Такой взгляд является естественным выражением точки зрения, что «конфликт – это болезнь, вызываемая «микробами лжи и зла» (Бродаль Х., 1991).

С организационно-деятельностной точки зрения «проблема людей» есть неизбежное, но неспецифическое условие любых конфликтов, а специфика именно конфликтных отношений связана с «проблемой интересов и идей». Трудности их различения и противопоставления друг другу тесно связаны с тем, что «объективные» интересы и проблемы с ними связанные проявляются в социальном взаимодействии опосредованно, то есть в известном смысле тоже через и как «проблемы людей».

Специфическое и неспецифическое содержание в конфликтных отношениях является (если выявляется) методической рефлексией далеко не всегда из-за того, что в ее рамках редко проводится типологическое различие эпизодических (одноактных) и периодических (многоактных) форм социального взаимодействия применительно к конфликтному взаимодействию.

В самом общем виде переговоры описываются как деятельность, направленная на удовлетворение интересов взаимодействующих сторон за счет выработки соглашения, которое устраивало бы обе стороны переговоров. Причем, само это соглашение трактуется как некоторое «решение», позволяющее эти взаимные интересы так или иначе удовлетворить. Эти решения описываются как «конечные» решения непосредственно в отношении взаимных интересов («желаний и забот»), так сказать, в терминах самих предметных интересов.

В первом приближении для переговоров в рамках эпизодических конфликтов такая «модель» переговоров достаточна.

Но в случае периодических конфликтов она предполагает новый цикл переговоров в каждой очередной повторяющейся (воспроизводящейся) ситуации конфликтного взаимодействия, что явно нерационально. И, следовательно, такая модель не учитывает важной особенности конфликтных отношений. Прежде всего, потому, что в ней конфликт и соответственно переговорный процесс имеют «плоскую», одноуровневую организацию. А даже в математической теории игр стратегии одноактных и периодических игр существенно различаются с точки зрения организации и продуктивности.

Периодическим конфликтам свойственна многоуровневая (минимально двухуровневая) структура переговорного процесса, хотя, как правило, это обстоятельство остается незамеченным. Последнее, на наш взгляд, обусловлено тем, что теоретические «модели» переговоров отрабатываются преимущественно на эмпирическом материале эпизодических конфликтов. Их же особенностью является как раз то, что для них уровни «игры» и «мета-игры», то есть принципы выработки решения и сами решения, фактически совпадают. Имеется высказывание: «При сотрудничестве участники переговоров строят новые отношения, позволяющие им получить некий новый продукт. Их цель состоит в том, чтобы договориться о «вкладе» каждого, а также об организации взаимодействия и распределения полученного. Иначе ставится задача в конфликте. Здесь основной акцент делается обычно на распределении или перераспределении имеющегося. Для участников переговоров проблемой является, образно говоря, не то, как «испечь пирог», а то, как разделить его» (Лебедева М.М., 2007).

Поэтому принципиальная разница между уровнями если и становится эмпирически очевидной, то лишь в случае конфликтов периодических.

Представление о «существовании» проблемы непосредственно зависит от понятия

и модели конфликта, которое берется на вооружение тем или иным автором. То «существо проблемы», которое обычно имеют в виду, связывают с непосредственным удовлетворением интересов каждой из сторон переговоров. Но это лишь проблемы каждой из сторон в их отдельности, а вовсе не существо их общих конфликтных отношений, их взаимодействия. В процессе переговоров должны в первую очередь быть установлены «правила игры», а уже на основе этих правил достигаться взаимоприемлемое удовлетворение интересов тех или иных участников переговоров (сторон конфликта).

Для каждого участника конфликтного взаимодействия важно точно определить ту ситуацию, в которой он находится, поскольку она для него выступает как то, что в первую очередь определяет возможные и невозможные способы конфликтного поведения и тем самым выбор оптимального поведения «здесь и теперь». Другими словами, ситуация всегда становится определенной относительно планируемых и осуществляемых в ней тем или иным субъектом действий, имеет деятельный смысл. Ситуацией для него оказывается не просто внешнее окружение, которое определяет такое поведение, воздействует на него извне, а прежде всего, то, что выделено и означено через собственное самоопределение в нем. Именно это обстоятельство, невозможность рассматривать ситуацию как внеположный объект, и определяет оргдеятельностный статус соответствующего понятия.

Самоопределение задает границы и создает определенную организацию того внешнего окружения, которое становится ситуацией. Или, несколько иначе, самоопределение и определение ситуации – две стороны одного и того же процесса. Как указывает Н.В. Гришина (1997): «Таким образом, человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но определяет ее, одновременно «определяя» себя в этой ситуации» [7, с. 133].

Поскольку ситуации имеют естественно-искусственную природу, то неприятие одними участниками конфликта «определений» ситуации, предлагаемых другими, означает неприятие самих ситуаций, в которых находятся другие участники. Речь идет не просто о различном видении «одной и той же ситуации» – ситуации здесь не противопоставлены самому видению как таковому, поскольку это видение само является компонентом ситуации и в равной мере и определяется ситуацией и определяет ее.

Проблема урегулирования конфликтов осложнена или невозможна не столько из-за принятия/неприятия сторонами конфликта взаимных «определений» ситуаций, сколько из-за того, что сами стороны конфликта находятся в разных ситуациях.

Тогда на языке ситуаций причиной конфликта оказывается как раз именно то, что стороны взаимодействия исходно находятся в разных ситуациях, а урегулирование конфликта невозможно без их приведения к одной единой ситуации. Другими словами, урегулирование конфликта здесь и есть своего рода преобразование разных ситуаций сторон взаимодействия, их сведение в одну общую ситуацию. Сама суть конфликта оказывается связанной с отсутствием общей ситуации у сторон взаимодействия, то есть социальное взаимодействие представляется конфликтным из-за того, что стороны взаимодействия находятся в разных ситуациях.

Следовательно, конфликт, с этой точки зрения, характеризуется как раз дефицитностью ситуации, конфликтная ситуация является «ситуацией» только номинально, поскольку она «состоит» из несовместимых ситуаций участников взаимодействия. Соответственно само конфликтное взаимодействие может быть рассмотрено в качестве того или иного преобразования таких односторонних ситуаций, как динамика изменения ситуаций сторон взаимодействия.

Рассуждая о конфликтах как незавершенных (то есть неопределенных) социальных процессах, Л.А. Козер фиксирует, что их завершение – это проблема, которую должны решать обе спорящие стороны, что в конечном счете от них (их намерений и воли), а не от объективных обстоятельств, зависит придание этому социальному процессу определенности (завершенности) (Козер Л., 2000) [17].

Поэтому основной задачей переговоров и является доопределение нерегулируемого и тем самым деструктивного противодействия до рациональных, конструктивных форм социального взаимодействия. Если исходить из обобщенной типологии таких форм, образованных «решеткой» дуальных отношений: сотрудничество – сообщничество, конкуренция – конфликт, сотрудничество – конкуренция, сообщничество – конфликт, то в качестве конструктивных выступают «конкуренция» (конструктивное противодействие) и/или «сотрудничество» (конструктивное содействие) субъектов взаимодействия (Пископелль А.А., 1994).

Литература

1. Анцупов А.Я. Эволюционно-междисциплинарная теория конфликтов // Конфликт и личность в изменяющемся мире. – Ижевск, 2000 (www.i-u.ru; <http://www.vusnet.ru/biblio>).
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М., 1999.
3. Бородкин Ф.М. Социальный конфликт сквозь культуру // Мир России. – 1999. – № 1.
4. Буртовая Е.В. (сост.) Конфликтология. – М., 2002.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984.
6. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Сочинения. – М., 1981.
7. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб., 2008.
8. Дарендорф Р. К теории социального конфликта. – 1995 (azps.ru/polpsy/lib/konflikt_darendorf.html).
9. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5 (www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/03/16/0000205960/019_darendorf.pdf).
10. Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. – 1997.
11. Дудченко В.С. Онтогенез конфликта (к методологии исследования) // Социологические исследования. – 1996. – № 10.
12. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М., 1995.
13. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания / В кн.: На пути к теоретической конфликтологии. – 1993 (<http://www.ecsocman.edu.ru/socis>).
14. Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. – Ростов-на-Дону, 1998.
15. Иордан М. Наука национального примирения // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. –
16. Кант И. Метафизика нравов // В кн.: Немецкая классическая философия. Право и свобода. – М., 2000.
17. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000.
18. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995.
19. Леонов Н.И. Номотетический и идеографический подход в конфликтологии / В кн.: Конфликт и личность в изменяющемся мире. – Ижевск, 2000 (www.i-u.ru; <http://www.vusnet.ru/biblio>).
20. Мелибрда Е. Я – Ты – Мы: психологические возможности улучшения общения. – М., 1986.
21. Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». – М., 1982.
22. Никовская Л.И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 79–85 (<http://www.ecsocman.edu.ru/socis>).
23. Петровская Л.А. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М., 1977.

24. Пископелъ А.А. Концептуальные предпосылки организационно-деятельностной модели социального конфликта // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 55–72.
25. Пископелъ А.А. Педология и психотехника: исторический опыт методологического оформления и обоснования комплексных научно-технических дисциплин // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Вып. 2. История психологии. – С. 47–56.
26. Политическая конфликтология. Хрестоматия Предисловие. – М., Нижний Новгород, 2002.
27. Проблемы методологии в эргономике. – М.: ВНИИТЭ, 1979.
28. Розин В.М. Культурология. – М., 2003.
29. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Человек. – 1998. – № 2 (<http://www.eecsoman.edu.ru/socis>).
30. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. Или переговоры без поражений. – М., 1992.
31. Хьюбнер К. Критика научного разума. – М., 1994.
32. Чумиков А.Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // Социологические исследования. – 1997. – № 7. – С. 118–124.
33. Щедровицкий Г.П. Заметки о мышлении по схемам двойного знания / В сб.: Материалы к симпозиуму по логике науки. – Киев, 1966.
34. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. – М., 2005.
35. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов // Вопросы методологии. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
36. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. – М., 1964.
37. Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы / В кн.: Щедровицкий Г.П.. Избранные труды. – М., 1994.

ON THE METHODOLOGICAL PREREQUISITES OF CONTEMPORARY THEORETICAL CONFLICTOLOGY

A.A. PISKOPPEL

*M. V. Lomonosov Moscow State University,
Research Institute for Cultural and Natural Heritage of Sciences, Moscow*

Discusses what constitutes a conflict management in its present state in terms of trends in the evolution and development programs. Analyzes the requirements for conflictology as a «complex» scientific discipline, the problem of synthesis of knowledge of different conflictological disciplines and practices. Characterized by basic methodological principles of modern conflictological paradigms and their hierarchy. Different primary and secondary, managed conflict, psychotechnics, and social engineering conflictological practices are discussed. The social functions of conflict and deficient conflict situation from point of view regulatory, organizational and activity are evaluated.

Keywords: monothematical and complex disciplines, conflict, conflictological paradigm, conflict situation, the social functions of conflict, constructive and destructive conflicts, talks, psychotechnics, social engineering.